

Наталья Смирнова

«Я свил свое гнездо на парике Вольтера...»

Генрих Гейне в Париже

Окончание. Начало в "РМ" №4156.

Гейне встретил свою будущую жену в октябре 1834 года, прогуливаясь по пасажу Шуазей в магазине, принадлежащем ее тете, где она продавала перчатки. Все началось с покупки пары перчаток, и не вспомнил ли поэт о них, когда писал о паре нанковых панталон: "Молодой человек сидит в кафе и спокойно пьет кофе, а где-то в далеком Китае растет и цветет его гибель и, несмотря на высокую китайскую стену, находит дорогу к молодому человеку. Он принимает ее за пару нанковых панталон, беззаботно надевает и делается несчастным".

Через семь лет, 31 августа 1841 года, в парижской церкви Сен-Сюльпис состоялось бракосочетание Гейне с его "Матильдой", "молодой красавицей, с которой я уже более шести лет ежедневно бранюсь". Может быть, он и продолжал бы с ней и дальше "браниться", не связывая себя иными узами, ведь поэт в буквальном смысле слова откупил ее у тетки, позволившей за некоторую сумму вступить им в свободный союз. Но Гейне предстояла дуэль, в благоприятном для себя исходе он не был уверен, и он не хотел, чтобы его выкупленная "Матильда" осталась совсем без средств. С тех пор как поэт, по собственному выражению, "предался моногамии", жить он стал лучше и "даже весьма элегантно".

За два года до кончины Гейне с женой последний раз меняют квартиру и переезжают ближе к Елисейским полям, на авеню Матиньон, в дом номер 3.

Эту квартиру поэт выбрал сам: "Подготовляю себе сейчас на Елисейских полях новую Голгофу". Квартира на пятом этаже была с балконом, и в хорошую погоду поэта выносили туда. Так он мог дышать воздухом и наблюдать за жизнью на Елисейских полях, которая в те времена была такой же пестрой, как и сейчас.

Впрочем, поэт к этому времени был уже полуслепым, но и "половинкой своего глаза" (а также с помощью бинокля жены) он с завистью разглядывал жизнь "внизу". Подмастерье кондитера, предлагающий пирожные двум дамам в кринолинах, никогда не узнал, что волею случая попал в поле зрения поэта, записавшего эту незатейливую сцену. Может быть, еще до сих пор растет и то дерево рядом с кондитерской, у которого облегалась маленькая собачка. "В этот момент, — пишет поэт, — я убрал бинокль и больше уже ничего не хотел видеть, я завидовал собаке!"

Так, в буквальном смысле слова завидуя собаке, поэт продолжал "смирно лежать на своих матрацах", придя в конце концов к выводу: любое горе переносимо, если "при этом можно пойти погулять".

Сам он последний раз вышел погулять в мае 1848 года, когда ему лишь с трудом удалось "доплестись" до Лувра. Там он в буквальном смысле слова упал у ног Венеры Милосской и плакал "так горестно, что слезами моими тронулся бы даже камень". Богиня глядела на него сочувственно, «но так безнадежно, как будто хотела сказать: "Разве ты не видишь, что у меня нет рук, и я не могу тебе помочь?..»

Восемь лет Гейне пролежал парализованным, но с ясной головой, которую было трудно даже поднять с изголовья. В небольшой комнате за оклеенной бумагой ширмой лежал он в своей "матрачной могиле", которую украшали две гравюры с картин художника Леопольда Робера "Рыбаки" и "Жнецы". Особенно он любил "Жнецов"; на его взгляд персонажи картины были настолько чисты, что, казалось, не подозревали о существовании греха.

Если у поэта выпадал хороший день и он не был печален, как "ночной колпак", то по возможности он "приподнимался с постели, посылал за чтецом и диктовал свои мемуары или иногда писал на специально устроенном пиюитре".

"Кровать моя, — говорил он, — напоминает вещающую могилу волшебника Мерлина, погребенного в лесу Броселиан, в Бретани", того волшебника, который, по легенде, был превращен в куст боярышника, откуда слышался лишь его слабый голос, как из кровати слышался слабый голос поэта.

Когда же слышался его голос, то хорошим был этот день и для посетителей, ибо собеседником Гейне был необыкновенным, "его ум блуждает от одних мыслей к другим, они выражаются самими диковинными словами, и это похоже на игру странных, украшенных коронами змей в волшебном саду".

В последние годы вид Гейне поражал посетителей. Поэт вынужден был отпустить седую бородку, так как не мог бриться, и это придавало "мefистofельский" вид его и так "байронической" внешности. Романтическим Гейне выглядит на портрете Людвиг Гримма, художника, — с двумя братьями-собирающими ска-

зок поэт когда-то познакомился в Касселе. Лучшим своим изображением Гейне считал портрет 1831 года работы Морица Оппенгейма: "Я на нем чуть украшен, но все же его можно одобрить за сходство".

Однажды в квартиру на авеню Матиньон, отсчитав сто пять ступенек, поднялась та, которую Гейне считал своей последней любовью. Он ее называл "мушкой" (а мог бы "желтофиолем") — Gelbveigelein, ибо, писал он ей: "Не сердитесь, несмотря на вашу грацию, у вас лицо ш в а б с к о й Gelbveigelein". Так он называл Камиллу Зельден, писательский псевдоним Элизы Клиниц, "хужжанье" которой ему было необходимо слышать в последние дни его жизни. Ей поэт посвятил шесть стихотворений, "безумец писал безумной". Камилле Зельден адресовано и последнее его письмо.

Умер Гейне 17 февраля 1856 года около четырех часов утра. По воспоминаниям, последними его словами были: "Цветы! Цветы! Как прекрасна природа!" Вы-

Могилы Г. Гейне и его жены
на Монмартрском кладбище в Париже.

Фото Л. Круглого.

полняя последнюю просьбу поэта, лечащий его доктор Груби положил рядом с ним цветы, купленные женой Гейне утром этого последнего его дня.

Однажды Гейне рассказал своему другу Жерару де Нервалю сон: он видел могилы на Монмартрском кладбище, ярко освещенные солнцем, и перед каждой, как в коридорах больших отелей, поблескивала пара начищенных ботинок. Поэт давно хотел быть погребенным именно на этом кладбище Парижа, ибо в квартале Монматра провел он лучшие свои дни.

Сейчас его могилу украшает памятник скульптора Гассельерю, на котором высечены неизменные поэтические атрибуты — лира, венок из роз, лавровый венок, бабочки, символизирующие души умерших.

Памятник этот был поставлен только в самом начале нынешнего века, в 1901 году, по подписке австрийского общества почитателей памяти поэта. И, конечно, на нем высечены несколько строф "из Гейне", им самим написанная эпитафия:

"Wo wird einst des Wandermüden / Letzte Ruhestätte sein? / Unter Palmen in dem Süden / Unter Linden an dem Rhein? Immerhin!.."

Если бы Гейне написал только их, то и того было бы достаточно, чтобы его имя осталось в веках.

Говорят, что каждый год в день смерти поэта студенты Латинского квартала приносили букетик фиалок на его могилу. Когда же во время оккупации Парижа по традиции они пришли с цветами на Монмартрское кладбище, у могилы Гейне был поставлен немецкий часовой. Неизвестно только, с какой целью — охранять могилу или запрещать ее посещение: в гитлеровской Германии произведения Гейне были сожжены 10 мая 1933 года.

Любопытно, что в то же самое время нацисты, если верить биографу Гейне Пьеру Гарнье, приказали высечь на памятнике слова: "Здесь покоится немецкий поэт". Если это так, то тот, кто отдал такое приказание, хорошо знал творчество Гейне, который когда-то писал: "И каменщик, которому придется украшать наше последнее ложе, может, не боясь никаких возражений, вырезать слова: "Здесь покоится немецкий поэт". Гейне называл патриотизм странной вещью: "Можно любить свою родину, любить ее целые восемьдесят лет и не догадываться об этом, но для этого надо оставаться дома".

В Париже при жизни Гейне "французы носили его на руках", как однажды не преминул заметить поэт, когда сиделка переносила его с балкона в комнату.

После его смерти на доме номер 3 по авеню Матиньон, где он умер, была установлена мемориальная доска, однако прибитая она так высоко, что у каждого, кто хотел бы ее прочесть, невольно падает с головы шляпа...

Париж